
НАСЛЕДИЕ

Нерсисянц Владик Сумбатович (1938–2005) – выдающийся советский и российский юрист, академик РАН, специалист в области философии и теории права, истории политических и правовых учений. Автор либертарно-юридической теории права.

Далее приведены некоторые черновые наброски, которые, по замыслу автора, могли бы лечь в основу философских эссе. Многозначие означает, что какие-то фрагменты рукописи, которые не удалось прочесть, пропущены (составитель – В. В. Лапаева).

В. С. НЕРСЕСЯНЦ

КАНТ И СОКРАТ: КОНЦЕПЦИЯ МОРАЛИ

Мораль по своему генезису и правовой сути – это свобода человека от бога и государства; это человек – вне бога и государства, меж богом и государством.

Моральная свобода – свобода индивида от небесной и земной власти.

Мораль – это такая свобода (такое представление о свободе и ее принципах, нормах, ценностях), автором которой (точнее, автором представлений о которой – о свободе) является индивид. У Сократа этот автор-индивид появляется еще в компромиссной форме индивида-бога, личного демона (даймония) – властного голоса внутренней совести. У Канта автором морали является самозаконотворяющий индивид, но это самозаконотворчество индивида осуществляется (по Канту, должно осуществляться) по принципу всеобщего законодательства, т. е. правовому принципу, по принципу хорошего, должного, правильного (свободного) законодательства. Тут у Канта моральный индивид является по сути правовым индивидом (не просто законопослушным, но *законоопережающим* индивидом), атомарным правовым государством. В ситуации искомого и обосновываемого Кантом правового государства правовая трактовка морального принципа (правовой характер принципа ка-

тегорического императива) по сути означает отрицание морали как чего-то отличного от права. Кантовское различие между моральностью и самозаконодательством (буквально – авто-номией!) и легальностью как соблюдением (исполнением, осуществлением, реализацией) уже существующих норм не есть отличие морали (как якобы самоустановления норм) от легального права (как якобы создания и применения норм), потому что и морально самозаконодательствующий индивид должен соблюдать свои же моральные установления, т. е. быть не только моральным, но и легальным.

Кроме того, моральное самозаконодательство (по правовому принципу, как у Канта) как чисто моральный акт (в отличие от легальности как соблюдения уже установленных норм) возможно и уместно лишь там, где есть пробелы в сфере регуляции правовым принципом – принципом всеобщего законодательства. Вне этих пробелов все поведение может быть лишь легальным (или противозаконным), но не моральным в кантовском смысле. Иначе говоря, кантовский индивид может быть моральным лишь в сфере пробелов в законодательстве правового государства, лишь опережая законодательные установления правового государства. Но поскольку принципы законодательства правового государства уже предданы любому индивиду, то кантовскому моральному индивиду остается в его моральном самозаконодательстве лишь дублировать эти принципы законодательства правового государства (или применять их применительно к объекту своего законодательства, т. е. заниматься в моральном законодательстве именно легальностью). Самозаконодательство кантовской моральной личности оказывается не только моральным актом, но и легальностью, так что различие между моральным и легальным и вовсе исчезает (поскольку в основе как моральности, так и легальности у Канта лежит формальный правовой принцип – всеобщности и равенства).

У Канта – идеальная (предельно желательная для правового государства) концепция морали. В ситуации социально-политических реалий, где нет правового государства и правового законодательства, кантовская концепция морали означает, что именно морально свободный индивид является носителем, источником и творцом правового принципа и правовых норм общения, могущих и долженствующих стать нормами официального государственного законодательства. Но до того как нормы морального самозаконодательства кантовского индивида (точнее, правовые нормы) станут нормами официального законодательства, между ними остается

конфликт, конфронтация. Согласно Канту, прежде всего это конфликт между моралью и политикой, в том числе и государственным законодательством как политикой. Хотя это частный случай конфликта между моралью и правом, моралью и позитивным (официальным) правом (т. е. государством, законодательством) как неправовым законодательством, неправовой политикой. Но по существу это конфликт между правом (правовым принципом) и законом (неправовым законом, неправовой политикой, политическим законом).

Моральная воля индивида у Канта – это свободная воля, разумная воля, это практический разум, способность человека (свободной, разумной воли индивида) к самозаконодательству. <...> Тут внешне необходимое, принудительное становится субъективно необходимым (самозаконным. – с. 118 по Дробницкому*). Это и есть, по Канту, свобода. Отступление человека от такого самозаконного, полагаемого разумом, – это его повинование не разуму, а чувственности; это, по Канту, объективная необходимость, но субъективно будет случайностью, т. е. актом несвободы. Но человек – двойственное, разумно-чувственное существо, и у него остается способность и возможность выбора (негативная свобода) между велениями разума <...> и чувством (велениями, влечениями чувства).

Закон (разумная воля), разум, закон сам по себе, абсолютно необходимый (для разума), не определяет волю человека полностью, и «она часто отклоняется от него, будучи влекома чувственностью» (с. 118 по Дробницкому). Поэтому закон (моральный, разумный закон) выступает для человека как двойственного (разумно-чувственного) существа лишь как «долженствование, определяющее волю не однозначно, а через выбор» (с. 118 по Дробницкому). Но эта способность выбора – лишь негативная свобода, моральная же свобода – это способность выбирать только то, что разум признает добрым» (Кант). Тут радикальный рационализм Канта (*a la* у Сократа!): у разумной воли нет выбора, точнее, нет альтернатив. «Свобода предполагает отклонение от закона (т. е. разумной, но свободной воли), но если эта возможность осуществляется, то человек становится несвободным» (с. 118 по Дробницкому).

Отсюда ясно, что источник и причина отклоняющегося поведения, согласно моральной концепции Канта, – это отклонение инди-

* Имеется в виду книга О. Г. Дробницкого (1974).

вида от разума к чувственности, от велений разума к позывам чувств, от требований морального закона к чувственным влечениям. Воля индивида, следовательно, по Канту имеет как разумный, так и чувственный элементы (компоненты), воля индивида определяется как разумом, так и чувствами. Свобода воли тут – способность выбора между велениями разума и велениями чувства. Эта возможность выбора (со стороны воли) делает моральный закон (веления разумной воли) лишь долженствованием, а не неизбежной, однозначной, слепой необходимостью. А сама возможность выбора – это негативная свобода. Выбор велений чувств – отклонение от разумной свободы к несвободе. Выбор требований разума (способность выбора добра по разуму) – моральная свобода; возможность выбора добра по чувственному влечению – это несвобода.

* * *

Если человек подчиняется разуму (разумному, моральному закону), т. е. если он, согласно Канту, *морально свободен*, то это ситуация реализации категорического императива (с его правовым, всеобщеравным принципом). Это, по Канту, абсолютно необходимое для разума (т. е. для индивидуальных разумов всех людей) отклонение к чувству является с точки зрения разумного субъекта случайностью, несвободой.

Тут несколько подразумеваемых допущений: 1) все люди разумны; 2) все люди одинаково разумны; 3) разумность обладает способностью законотворчества, регулятивной силой, нормотворческой способностью; 4) принципы и нормы разума (разумного самозаконотворчества) всех людей не просто однотипны (один принцип), но и одинаковы, тождественны (поскольку нормы законодательства индивидуального разума отдельных людей годятся в качестве норм всеобщего законодательства). Т. е. разум, разумная, свободная воля для всех (различных) индивидов – одно и то же (а именно – это разум законодателя правового государства).

Почему же это так? Кант не приводит убедительных доказательств этого. То, что в разуме люди могут сходиться, поскольку все они разумны, это ясно со времен Аристотеля, но это вовсе не означает, что разумные индивиды в одинаковой мере и в одинаковом смысле разумны. Каждый индивид разумен (и чувственен) по своему. Даже если собрать всех лишь разумных (по Канту) индивидов, то и в этом случае, говоря языком Руссо, их «общая воля» <...> будет отличаться от «воли всех», а нормы индивидуального

самозаконодательства будут отличаться друг от друга, даже если все будет исходить из одного принципа – правового равенства. Это необходимое различие норм морального законодательства различных индивидов обусловлено уже тем, что норма как формулирование принципа применительно к конкретной ситуации всегда будет отличаться творческим разнообразием формулирующего ее разума (который, кстати говоря, не априорен, а исторически изменчив). Если бы априори существовал равный себе разум морального самозаконодательства, то все нормы морали, разума и законодательства уже давно были бы сформулированы. Если же Кант признает момент отличия в моральном законодательстве разума в зависимости от эмпирической (исторически изменчивой) ситуации и обстоятельств места и времени, то это означает признание расхождения между нормами морального законодательства различных индивидов и невозможность их одинаковой <...> и равенства.

Правовой принцип (равенства, всеобщности) выступает в кантовской концепции морали (в категорическом императиве) в качестве критерия верности выбора, ограничительного признака этого выбора между добром и злом.

Кант и Сократ: оба – рационалисты. Уже Сократ говорил, что знание обладает силой, оно может руководить и показывать (т. е. регулятивная, руководящая, направляющая роль и функция знания) – это для немногих мудрецов, философов; а действиями обывателя управляют чувства, влечения.

Согласно Сократу (в отличие от релятивизма Протагора, у которого человек – мера всех вещей), человек как *мыслящее, разумное* существо – мера всех вещей, т. е. разумный человек – это регулятивное начало и нормотворческая инстанция.

У Сократа (во многом как и у Канта), по сути, для разумной воли, для разумного человека нет морального выбора: выбор определяется знанием (у Канта – разумной волей), поскольку добродетель – это знание, а пороки и зло творятся по незнанию, неведению (у Канта – отступление при выборе от требований разума к чувственным влечениям, т. е. к несвободе). У Канта и Сократа сходная, однотипная <...> отклоняющегося поведения. Тут следует учесть, что Сократ различает знание (эквивалент кантовскому практическому разуму) и мнение (чувственное влечение – у Канта). Знание и добродетель, согласно Сократу, – это божественный разум, доступный, и то не полностью, лишь немногим (мудрецам, философам...). У Канта же этот разум – человеческий разум, он не

только доступен всем и у всех в наличии, но и у всех одинаковый (по ступени, качеству, содержанию и даже по морально-законодательному нормотворческому результату – продуцированию норм всеобщего законодательства!).

Надписи на полях:

– У Канта и Сократа человек имеет бессмертную душу, есть загробное воздаяние за добро и зло.

– У Сократа человеческий разум – божественный разум.

К праву (о происхождении равенства)

Вольтер прав, что равенство – самая естественная вещь и химера. Он <...> склоняется к равенству перед законом, отклоняя остальное, им не проясненное (в этом остальном – и так называемое фактическое равенство, потребительское равенство, утопическое равенство уравниловки и т. п.).

Все в реальном мире различно, все и всё (люди, животные, вещи, явления, предметы и т. д.) отличаются друг от друга. В мире нет двух одинаковых вещей. Откуда же равенство и что это такое?

Иначе говоря, в противоположность Руссо, мы ставим вопрос о происхождении равенства.

Для Руссо в естественном состоянии все равны и свободны, а с появлением частной собственности возникает неравенство и гражданское состояние (законы и т. д.). Но естественное состояние как противоположность искусственному состоянию, как и всякое фактическое, природное состояние, характеризуется фактическим различием, природной неодинаковостью. Равенство – это условность (искусственность), а не естественность; равенство – это условное допущение того, что различное – это одинаковое (неразличное), что это одно и то же по какому-то основанию, по какому-то критерию, принципу. В зависимости от различий и вариаций этих оснований (критериев) можно проследить историю происхождения и развития равенства и построить типологию равенства (тут интересна связь исторического и логического).

Основание (и критерий) уравнивания (т. е. принцип построения равенства) различных фактических объектов – это такая характеристика этих объектов, для которой фактические различия условно безразличны (по данному основанию, критерию). Равенство – это процедура условного снятия различий (их принципиального игнорирования, редукции) и условного отождествления. От фактического (с его различиями и т. д.) происходит переход в условную

плоскость, в некую *новую форму* соотношений, к *формальному, принципиальному*: каждая форма – это условная форма; ее условность (т. е. условие перехода к этой форме отношений и действия этой формы) – это и есть соответствие принципу равенства. *Принцип каждой формы равенства* – это условность и условие перехода от фактических различий к условному равенству, т. е. это условие уравнивания, *условие безразличия к различиям*.

Здесь встает вопрос: берется ли это основание (критерий, принцип) из самой фактичности и трансформируется в новое качество (принцип) или оно привносится откуда-то в эту фактичность? Т. е. фактичен принцип или формален, задан или привнесен? Два различных дерева, или зверя, или человека условно уравниваются и предстают как два одинаковых объекта; в математике как 1 и 1, дающие в сумме 2. Если бы в природе не было больше одного объекта, их нельзя было бы уравнивать (хотя бы по числу). Следовательно, одно из необходимых условий уравнивания и вообще возможности равенства – это наличие *множественности* объектов – не для того, чтобы их считать, а чтобы вообще возникла *идея равенства*. Для *возможности равенства* необходимы *различия*. Счет (и арифметика) – частный случай равенства и *исторически*, видимо, не исходный, не самый ранний. Этому равенству должно было бы предшествовать более глубокое, социально-биологическое, да и собственно человеческое. Что же именно?

Прежде чем сложить двух медведей как $1 + 1$, необходимо было понять и увидеть, что оба они – медведи, а чтобы сложить медведя и волка как $1 + 1$, надо было пройти еще больший путь *абстрагирования от различий* – на пути к чистому числу.

Надпись на полях: *Т. е. на пути человека к равенству была организация окружающего его мира (космизация – движение от хаоса к <...>), т. е. сокращение мира – по видам, родам объектов – равенство по родам, видам объектов, т. е. генетическое равенство.*

Идентификация объектов предшествовала их уравниванию.

Числовое (арифметическое) равенство – более абстрактное равенство, чем все остальные типы равенства, поэтому оно возникло позже. Поэтому же внутри математики в целом числовое (арифметическое) равенство (оно адекватно «демократическому» представлению о равенстве – согласно Платону и Аристотелю) возникло позже геометрического, которое менее абстрактно (и адекватно

«аристократическому» представлению о равенстве – согласно Платону и Аристотелю).

Род, вид, счет, весы, деньги – первые воплощения и инструменты (средства) измерения равенства в социальной жизни; с ними тесно связано *право*: у греков (об этом говорил и Аристотель) законы (*nomos*) того же корня, что и денежная монета (*nomisma*).

Всякая организация, всякое упорядочение различий (в природе и социальной жизни) требует абстрагирования от несущественных (с точки зрения данного типа организации и данных целей упорядочивания) различий и, следовательно, включает в себя момент *уравнивания* различных объектов. Принцип уравнивания (безразличия ко всем различиям, кроме *одного*, которое становится *мерой* и масштабом измерения, *критерием* построения и функционирования) данной организации, данного порядка) является принципом *экономного* отношения к различиям. Чтобы овладеть хаосом различий (бесчисленным множеством различных объектов), надо отвлечься (абстрагироваться) от второстепенного и сосредоточиться на главном; это главное (для данной организации и данного порядка) есть его принцип и критерий *уравнивания*. Процесс уравнивания – это перевод хаотических различий в упорядоченное состояние неравенства по какому-то *одному основанию*. Это основание – принцип (масштаб и мера) равенства. Уже различия в животном стаде и вообще в животном мире *упорядочены* опытом соотношения сил. Т. е. хаотические различия переведены (по принципу силы – физической и психической) в неравенства. *Равенство – это не состояние, а лишь средство перевода различий в неравенства*. Т. е. *равным является лишь мера измерения, взвешивания и т. д., равенство состоит лишь в том, чтобы различия измерять одними и теми же весами с одними и теми же гирями*. И ничего больше.

Принцип равенства как раз и состоит в том, чтобы различия упорядоченно представить (упорядочить) как *неравенства*, иначе имела бы место простая *ошибка* или *обман*.

Но в историческом движении есть и отказ от различий – увеличение оснований равенства и уравнивания.

Принцип всеобщности равенства перед законом вовсе не означает равенства всех в их правах, а наоборот, означает неравенство их прав. Равенство перед законом означает равную правоспособность, т. е. формально равную возможность фактически приобретать права и нести юридические обязанности, что, конечно, зависит не только от *дееспособности* (которая уже различна у разных лю-

дей), но и от фактических различий людей. Нет двух людей с одинаковыми правами (одинаковым, идентичным объемом прав) даже при равной правоспособности и дееспособности: у каждого – свои (неравные с другими) права (права на свое имущество и т. д.).

Неравенство прав формально отражает (на одних и тех же весах) фактические различия людей – в этом принцип равенства, равная мера правового опосредования, «взвешивания» и измерения фактических различий людей и их реальных положений.

Равенство – это момент унификации (точнее было бы сказать, *униформации*) разнообразного, различного множества по классам, родам и видам, *придание множеству различий ограниченного числа значений*, чтобы привести эти множества различий к виду, удобному для социального логарифмирования, т. е. для овладения и управления им. Управление невозможно без уравнивания, поскольку оно имеет дело не непосредственно с каждым, а с группами, типами классификации множеств. Управление – это социальное логарифмирование. Тут важно соблюсти следующие условия: успешность (и эффективность) управления, его адекватность управляемому объекту зависит от того, насколько принцип уравнивания (т. е. единообразие, униформация) не мешает проявлениям и функционированию, словом, жизни фактических различий и многообразий (не губит их). Хорошее управление – это то, при котором его принцип равенства в чем-то одном не губит разнообразие в остальном.

Надпись на полях: *Т. е. правовая классификация множеств по группам и статусам: принцип самоидентификации целого должен быть преломлен и представлен в признании классификации по видам группового статуса. Самоидентификация целого и структурирование его по группам – это один принцип равенства.*

Принцип равенства, имеющийся в любой организации управления обществом, структурирует управляемую систему. Сам *принцип равенства* имеет иерархическую структуру, так как любое общество – это хаос фактических различий и космос форм <...> неравенств. Прогресс принципа равенства (исторический и логический) – это движение (историческое и логическое) от хаоса к космосу; это выявление все новых и новых сфер для приложения и экспансии принципа равенства, всех новых оснований, вариантов и методов для социального логарифмирования. Этой тенденции к унификации (монолизации) и к единообразию (уравниловке, т. е. фактическому равенству), кажется, противоречит тенденция к индивидуализации и многообразию фактических различий (т. е. тен-

денция к плюрализации). Монолизации противостоит плюрализация. Можно сказать, тенденция к эгалитаризации противостоит тенденции к плюрализации (разнообразия различий). Но это не противоположные тенденции, так как любая плюрализация (и разнообразие различий) протекает в рамках определенного единообразия, одного определенного эгалитарного принципа, определенной униформы, в границах определенного равенства.

Важно: 1) разнообразие в рамках какого равенства (какой униформы)?

2) насколько то или иное равенство дает пространство для разнообразия и в чем?

Ясно, что чем натуралистичнее критерий («принцип» в кавычках, так как принцип всегда сверхнатуралистичен, условен, теоретичен, в той или иной степени абстрактен, логичен и т. п.) уравнивания, тем он жестче против фактических различий, тем он жестче за единообразие, тем меньше плюрализма он допускает, тем более он *произволен* в отношении к живой жизни. Например, равенство по полу при матриархате или патриархате (все равны как женщины, все равны как мужчины), или все равны как охотники, рыболовы, пастухи и т. п. И, наоборот, чем абстрактнее критерий (и принцип) уравнивания, тем больше простора оставляется для разнообразия. Например, все равны как члены этого рода, приверженцы этой религии, как члены человеческого рода (т. е. как люди). Но что значит это равенство? Оно значит пренебрежение к одним различиям и внимание к другим. Равенство – это средство и принцип упорядочивания *иерархической* системы неравенств. Иначе говоря, равенство – это всеобщий принцип (<...>, основание) легитимации хаотических различий в виде всеми признаваемых неравенств на основе генерального принципа самоидентификации целого – в этом справедливость этого равенства. Когда хаотичность различий грозит войной и анархией, всегда находится *новый критерий* (более *абстрактный*?) для равенства, чтобы «преодолеть», «снять» наиболее острые, конфликтообразующие различия (*ZB*, исторически: различия между членами различных родов и религий, между свободными и рабами, между различными сословиями, между имущими и неимущими и т. д.).

Надпись на полях: *Новый принцип самоидентификации целого.*

Основная характеристика и, следовательно, крайний предел человека – это его характеристика как разумного существа. Поэтому в крайней перспективе возможен принцип равенства между умны-

ми и глупыми (чтобы снять противоречие, различие между ними). Видимые признаки тенденции к этому: рост роли общественного мнения и вообще мнения (право на выработку всеми своего мнения, свободу слова и т. д., словом, равенство мнений).

Сравни: уравниловка Платона с его господством философов, противопоставлением знания и мнения, и современная уравниловка (с небрежением к различиям между мнением и знанием). Дело как будто идет к тому, о чем говорили другие философы XVIII века: мнение правит миром. Раз все равны, то и мнения их равны – такой исход уже давно готовится и зреет. Но не идет ли уравниловка дальше этого, когда говорит о равенстве людей как просто потребителей (не обязательно даже имеющих свое мнение)? Этот натуралистический принцип равенства является регрессом по отношению к прогрессу абстракции в новеллизации и модернизации равенства.

***Надпись на полях:** Сейчас люди равны перед законом, но своего государства, а не другого. Т. е. как члены человеческого рода они пока здесь не равны. Это правовой аспект.*

Общая схема происхождения равенства:

- множество различий, хаос фактического множества;
- идентификация и дифференциация объектов;
- самоидентификация целого, т. е. общества, рода и т. п. (генеральное равенство, принцип всеобщего равенства для данного целого; например, все члены тотемной группы равны перед тотемом и т. п.), когда все являются членами данной группы и в этом смысле равны друг другу и отличны от других групп (рода, племени, общества, государства);

– равенства и неравенства внутри и в рамках этого всеобщего, генерального принципа самоидентификации.

В этой всеобщности принципа самоидентификации – корень справедливости (соответственно, равенства и неравенства). Отсюда и роль самоидентификации (целое) равенства в качестве общезначимого справедливого средства легитимации остальных фактических различий в виде правомерных (правовых) неравенств. Самоидентификация целого – это равенство всех как членов целого «Мы», противостоящих всем остальным («не-Мы», «Они» – см. работу Поршнева [1974]). В этом членстве всех в «Мы», в равном соучастии в «Мы» – момент всеобщего равенства и момент права – основание справедливых, равных и общеобязательных норм для

данного сообщества, включая признание всех остальных различий и, соответственно, неравенств внутри «Мы». Принцип самоидентификации дифференцирует (дистанцирует) от внешних «не-Мы» и структурирует внутреннее состояние «Мы».

Диалектика соотношения и взаимосвязи внутреннего и внешнего моментов (сил) внутри «Мы» и между «Мы» и «Они»: «Мы» возникает в дифференциации и противоположности к «Они», но это формально (формальный характер групповой самоидентификации и равенства), при этом материал «Мы» и «Они» с их фактическими различиями уже *преддан, задан*, и принцип лишь легитимирует и модифицирует структуру различий этого предданного материала.

Надпись на полях: *Новое и старое.*

Универсальность принципа идентификации и дифференциации проявляется в следующем:

- в неживой природе – элементы таблицы Менделеева (т. е. классификация элементов), притяжение и отталкивание;
- в растительном мире – опыление (оно происходит по родам и видам как своего рода бессознательная самоидентификация);
- в животном мире – стадность, борьба видов и т. д.;
- в человеческом мире – организация различных форм общежития («Мы», «Они» и т. д.).

При этом только в человеческом мире происходит сознательная самоидентификация, результатом чего является возникновение формального момента, абстрактного принципа и идеи равенства (и, следовательно, неравенства) – в отличие от различий фактически данного. Руссо, говоря о происхождении неравенства, упускает из виду, что: 1) происхождение неравенства – это и есть по сути и по времени вместе с тем и происхождение равенства (идеи и принципа равенства) и 2) *до* принципа равенства и неравенства были фактически различия; неравенство же есть признаваемое и легитимизируемое различие, <...> различие, увиденное с точки зрения принципа равенства.

С возникновением частной собственности появляется новый принцип самоидентификации общества (расколотого на собственников и несобственников), новый тип равенства и неравенства. Но и до этого были принципы самоидентификации, равенства и неравенства, а не просто различия; были типы легитимации этих различий; было правовое равенство и неравенство прав. Определенный

тип самоидентификации общества (соответствующий периоду появления частной собственности. – В. Л.) с определенным принципом равенства и неравенства не следует считать ни исходным, ни тем более единственным. Суть этой стадии и этого принципа самоидентификации и равенства (индивидов) – легализация и защита частной собственности со всеми вытекающими отсюда последствиями – отсюда и соответствующее законодательство. А до этого не было собственности (был <...> принцип общего доступа ко всему), хотя исподволь уже появлялась личная собственность. Новая самоидентификация привела принцип в соответствие с реальностью *в пользу собственников* – и это был прогресс, поскольку была преодолена первобытная уравниловка. Собственность появляется как частная собственность (когда стали производить больше, чем проедасть – см. об этом: Энгельс 1961).

В чем состоит логика прогресса (и изменения) принципа самоидентификации равенства в реальной истории и правовом выражении? Чем этот принцип отличается от *Grundnorm* и конституирующего принципа Г. Кельзена? Собственно, этот *конституирующий принцип* и есть критерий и принцип равенства, *правовой* принцип; и все общеобязательные нормы соответствуют этому принципу, являются нормами закона, соответствующими праву данного общества. Возможно существование законодательства, продиктованного разными конституирующими принципами (случай *смешения разных принципов* равенства).

Принцип и подразумеваемая им фактичность – важный аспект темы.

Элементы, моменты, аспекты социальной жизни, определяющие выбор конституирующей нормы: принадлежность к роду (с его тотемом), возможность иметь собственность (частную собственность), сословность, личная независимость, общая собственность и т. п. Национальное своеобразие правовой системы – наличие изменчивого момента этнонационального «Мы» для данного общества (в противоположность к «Они») наряду с новым конституирующим принципом <...>.

Для первобытного общества важно не отсутствие частной собственности или наличие общественной собственности <...> Конституирующий принцип этого типа общества состоит в том, что *все равны как члены данного рода* (кровнородственное единство «Мы»). Здесь естественная кровнородственная самоидентификация (*сознательная стадность*) «Мы» (все – члены рода «Мы») совпа-

дает с формальным (искусственным) конституирующим принципом. Культурный принцип естественной стадности <...>. *Подразумевается*: отсутствие у членов стада чего-то такого, что нарушало бы стадность, и поощрение всего стадного. Фактические различия признаются в рамках иерархии, продиктованной задачей и целью естественного выживания рода; в соответствии с этим и неравенство членов рода (пол, возраст, вид занятий и т. д.). Фактические различия в доступе к средствам пропитания, орудиям труда и т. д. – естественно прогрессирующий и легальный процесс, ведущий к поляризации богатства и бедности, к *увеличению личного* (лично-семейного) *имущества*, личного владения, пользования, распоряжения. Принцип рода прямо не запрещает увеличение личного имущества, но не знает частной собственности и форм ее легализации.

Это главное: *новое* (личное богатство) появляется в рамках подразумеваемых и даже прямо допускаемых *старым принципом* легальных форм жизнедеятельности, труда, накопления, и прогрессирующие средства производства позволяют увеличить *личное богатство* (и, следовательно, *личную бедность*) до степени *нового качества*, требующего легализации, т. е. нового принципа самоидентификации рода (раскол на богатых и бедных) и нового принципа равенства по новому основанию. Старое «Мы» отчасти сохраняется (в вылинявшем виде – этнический элемент и момент, второстепенно значимый, в семье, государстве и т. д.), отчасти раскалывается на новые «Мы» и «Они» (богатые и бедные). Признание личного богатства как частной собственности требует разрыва родового принципа, независимости от кровнородственных отношений общественной жизни, требует другой (государственной) организации социальных отношений. *Главное здесь* – легализация личного богатства как своего, т. е. частной собственности. Это требует развития производительных сил и производительности труда, отхода от работы на род по уравниловке без частного интереса. *Тут главное* не частная собственность как таковая, поскольку род (и коллективность родовой жизни) не знает вообще никакой собственности (Демокрит: «В общей рыбе нет костей»).

Принцип последовательного развития и нового равенства – легализация наличного богатства и новых приобретений в виде права всех на наличное и приобретаемое имущество как на собственность (индивидуальную, семейную, групповую, общую). Таким образом вводится новая форма легализации приобретения, владения, поль-

зования и распоряжения имуществом – *статус собственности вообще* (а не индивидуальной частной собственности): в древности как раз превалируют семейные, групповые и даже общегосударственные формы собственности, а не сразу – индивидуальная частная собственность в позднеримском или буржуазном смысле абстрактной частной собственности (которой, кстати, никогда не было, поскольку социальность, целое всегда ограничивали пределы частной собственности). Появление *собственности* означает распад родовой стабильности и коллективности как достаточного целого. Необходима реорганизация целого, которая соответствовала бы наличию собственности и собственников.

Принцип равенства здесь: всякое имущество имеет хозяина (одного или нескольких), все могут быть собственниками, за всеми признается (и защищается) право собственности на то, что у них есть и что они впредь приобретут. Эта свобода (право) собственности не ликвидирует, конечно, принципа кровнородственных связей, но отодвигает его на задний план, т. е. старый принцип сохраняется в ситуации нового принципа в качестве второстепенного момента. Самоидентификация целого здесь – *общество собственников* (и, следовательно, возможность наличия и тех, кто не имеет собственности, не-собственников, бедных и т. п.).

Легализация собственности подразумевает возможность рабства и неизбежно ведет к нему бедных и слабых, которые становятся *объектом* собственности. Исторически дело шло к тому, чтобы «своих» (т. е. членов прежнего кровнородственного «Мы» данной этнической группы) освободить с течением времени от рабства, запретить долговое рабство и т. п. (*ZB*, афиняне при Солоне и т. д.), сохранив рабство «чужих» («не-Мы»). В этом проявлялись роль и значение старого принципа самоидентификации. Впрочем, рабство как форма собственности противопоставлялось параллельному росту поляризации богатства и бедности и развитию форм зависимости бедных от богатых. Появление *института собственности* лишь формализовало и легализовало уже сложившиеся наличные формы личной и имущественной зависимости одних от других в виде определенного вида собственности – собственности на рабов, которые даже для Аристотеля и римских юристов были лишь видом имущества («говорящее орудие» труда).

Другая важная предпосылка равенства в том, что человек в родовом строе *не был свободен как индивид*: раньше он служил роду (хозяину всего), теперь – собственнику (группе, индивиду, чужой

семье, государству и т. п.). По сути, человек здесь меняет лишь хозяина и работодателя; он не теряет свободу, которой у него как индивида и не было (он еще не лицо, не личность, не свободный индивид – ни в родовом строе, ни при рабстве), он пока еще не становится свободным, каковым он может стать *лишь как собственник*.

Раньше человек был свободен (равен и прав) лишь как *член рода*, не как индивид, т. е. отдельное самостоятельное лицо. С появлением собственности появляется *возможность* личной свободы в качестве собственника (в древнеримской семье <...> в качестве индивида, личности, юридического лица, т. е. в качестве собственника выступал лишь глава семьи (*pater familias*), остальные так или иначе были не свободны). Аристотель ставит семейные отношения, как и отношения господства и рабства, вне политики и права как отношений *равных*, отношений по принципу равенства. Как индивид, так и отдельное лицо достигает личной независимости и свободы лишь в собственности (все равно – индивидуальной, групповой или коллективной). Например, члены полиса, т. е. свободные индивиды, – собственники общеполитического имущества, а члены рода – не собственники общеродового имущества, а лишь потребители и пользователи его.

Гегель не прав, когда говорит: 1) что собственность исторически появляется как *частная собственность*; 2) что свобода (и право) находит свое первое выражение в частной собственности. Дело в том, что: а) была и групповая, и коллективная, и индивидуальная собственность (во всей Античности и даже в Средние века); б) *исторически* с появлением собственности (и параллельным разрывом с родовой коллективностью, стадностью и зависимостью) появилась одновременно и индивидуальная *независимость* собственника (от рода, других и т. д.), свобода человека как индивида, отдельного лица, а до этого – *свобода и право человека лишь как члена рода*. С появлением *личной свободы* (у собственника) появляется одновременно и личная несвобода (у не-собственников – в виде тех или иных форм личной зависимости одних от других, т. е. *рабство*). Постепенно исторически все «свои» (члены «Мы») стали свободными (за счет богатых «своих», а также коллективных форм собственности, в чем проявилась социальная функция целого «Мы», т. е. государства).

Феодализм – это период перехода от *строю собственности с личной зависимостью* в виде рабства, т. е. собственности на производителя, на человека (Маркс о внеэкономическом принужде-

нии) к *строю собственности с личной независимостью* (экономическое принуждение). При феодализме сохраняется собственность (еще не совсем частная собственность), сопряженная с различными формами личной зависимости: от неполной собственности на человека (крепостничество) до различных форм сюзеренства, вассалитета, отношений мастера и подмастерья и иных форм внутрицеховой личной зависимости. Многообразие форм собственности при феодализме – свидетельство разнообразия форм личной свободы и несвободы членов различных сословий, показатель ослабления, размывания и постепенного преодоления жестких форм личной зависимости в виде предшествовавшего рабства. Прежние рабы (в виде <...> и т. д.) оказались в деревне более зависимыми (вплоть до крепостничества, очень близкого к рабству), а воздух городов делал людей свободными. Сословия феодального общества – это формализация и легитимация реальных форм общественных отношений, сложившихся на предшествующем этапе *функционирования собственности*, умножения форм собственности, приобщения (в той или степени, в том или ином виде) к собственности все большего числа людей, освобождения «своих» от рабства, сокращения резерва рабства из «чужих», размыва противоположности рабовладельцев и рабов, промежуточной <...> полусобственников-полузависимых (лично) людей.

Это – свидетельство кризиса первичного («рабовладельческого») типа собственности, в основе которого – незаинтересованность раба в повышении производительности труда и развитии производства, в работе на собственника. Прежняя собственность (с резким делением на собственников и несобственников и, соответственно, свободных и рабов) перестала нормально и эффективно функционировать.

Надпись на полях: Правда, уже некоторые богатели и откупались на свободу.

Феодализм – это форма привилегий и приобщения к: 1) частной собственности или 2) результатам хорошего труда на чужой собственности прежних несобственников (рабов, полусвободных и т. д.) в рамках сословной организации общественной жизни – при смягчении форм личной зависимости.

Подразумевается: *будущее* имущество сверх определенного размера (= плата за личную зависимость) станет *собственностью* хорошо работающего работника. Иначе говоря, феодализм предо-

ставляет *экономическую возможность* (в той или иной мере) стать собственником (правда, при жестком крепостничестве <...>). Главное тут – интерес работника (лично зависимого) в результате труда и *возможность стать собственником*, но в границах сословия. В конце капитализма разбогатевшие члены третьего сословия могли получать дворянские титулы (об этих «мещанах во дворянстве» хорошо писал Мольер). Феодализм – это сложный тысячелетний путь к *сословности с личной свободой* и независимостью, проба форм и вызревание условий для всеобщей свободы.

Буржуазный строй – принцип *личной свободы* с собственностью или без собственности (правда, как говорил Маркс, собственность на свою рабочую силу – это тоже собственность). Здесь все свободны, лично независимы, равны перед законом. Всеобщая личная свобода и независимость – индивидуализм – частная собственность (которая никогда не является абсолютной, поскольку есть *социальная функция целого*). Принцип равенства тут – *равенство всех перед законом*, формальная свобода всех, независимость друг от друга. Но неверно, что буржуазное право (равная мера для неравных) – основная и единственная форма права и единственный принцип равенства (иначе «буржуазное право»).

Тут впервые всеобщее равенство людей как индивидов, (<...> перед законом), экономическая зависимость, т. е. *частная собственность*. Подразумевается: все равны *в возможности* приобретать собственность (в пределах равного для всех закона, его дозволений и запретов), этого нет при феодализме и рабстве (нет и при родовом строе).

Далее, ликвидируется частная собственность <...> личная свобода и независимость, равенство всех перед законом (<...> равенство всех трудящихся перед законом). Главное тут – отсутствие частной собственности, эксплуатации одними *индивидами* других, отсутствие экономической зависимости *индивидов друг от друга*. Принцип: от каждого по способностям, каждому по труду в рамках общественной (государственной) собственности.

Личная собственность – потребительская собственность (это не есть частная собственность на средства производства, т. е. производительная собственность).

Право не равно уравниловке.

Уравниловка и потребительское равенство. Производительное равенство (уровень производительности труда).

Потребительная собственность (потребление) и стимулирование производительности труда. Равенство и дифференциация в потреблении (потребительная собственность). Право на потребительский минимум (из всеобщего равенства по отношению к средствам производства, отсутствия частной собственности и ликвидации эксплуатации) плюс возможность потребления более необходимого минимума (до максимума) *по труду*.

Всеобщее право (и обязанность) на труд, потребление больше минимально необходимого (до максимально возможного) за лучший труд. <...> В отличие от <...> здесь есть собственность и собственник (общество, государство).

Индивидуальная трудовая деятельность и проблема потребительной и производительной собственности.

Групповая кооперативная и колхозная собственность как формы негосударственной производительной собственности...

«Право как *воля господствующего класса*» = правовое значение принципа *самоидентификации* (принципа равенства для данного общества).

Литература

Дробницкий, О. Г. 1974. *Понятие морали: историко-критический очерк*. М.: Наука.

Кант, И. 1963. *Соч.*: в 6 т. М.: Мысль.

Поршнев, Б. Ф. 1974. *О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии)*. М.: Мысль.

Энгельс, Ф. 1961. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Соч.*, 2-е изд. Т. 21.